

УДК 82.091
DOI 10.17223/18137083/67/6

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

**«Плач Иосифа Прекрасного»
в сюжете и семантической структуре рассказов
А. П. Чехова «Тоска»
и В. А. Никифорова-Волгина «Тревога»**

Исследуется влияние «Плача Иосифа Прекрасного» – фольклорного произведения, относящегося к жанру духовных стихов, – на сюжет и семантику рассказов А. П. Чехова «Тоска» и В. А. Никифорова-Волгина «Тревога». В чеховском рассказе первая строка из «Плача» цитируется в эпиграфе, задавая эмоциональную тональность, тему и в свернутом виде указывая на сюжет произведения. Кроме того, в статье анализируются библейские образы, присутствующие (прямо или косвенно) в рассказе А. П. Чехова, а также выявляются литературные связи между названными текстами А. П. Чехова и В. А. Никифорова-Волгина. В рассказе «Тревога» фрагменты из «Плача» цитируются непосредственно в тексте. Здесь скорбная тема, звучащая в духовном стихе, соотносится с переживаниями тех, кто оказался живущим после революции в стране, именованной прежде Россией, но кто любит Россию ушедшую и не отрекается от ее духовных ценностей.

Ключевые слова: «Плач Иосифа Прекрасного», А. Чехов, В. Никифоров-Волгин, библейские образы, духовные стихи.

«Плач Иосифа Прекрасного» – духовный стих, созданный на основе ветхозаветной истории одного из сыновей Иакова. Как пишет Э. Н. Столярова, это произведение народной культуры относится к наиболее известным текстам данного жанра и наиболее часто исполняемым. «Получивший развернутую поэтическую обработку, достаточно вариативный стих, содержит, помимо плача, подробную историю Иосифа, предательство его братьями, злключения в Египте» [Столярова, 2016, с. 141]. «“Плач Иосифа Прекрасного” строится как монолог-причитание» [Селиванов, 1991, с. 21].

Особенностью рассматриваемого нами жанра является не только поэтическая форма, но также тесная связь «с мировосприятием, менталитетом русского человека, глубинными слоями его веры» [Мельникова, Скубко, 2014, с. 36]. Таким

Сузрюкова Елена Леонидовна – кандидат филологических наук, преподаватель Новосибирской православной духовной семинарии Новосибирской епархии Русской православной церкви (ул. Военный городок, 127, Обь, 633103, Россия; npds@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 2
© Е. Л. Сузрюкова, 2019

свойством менталитета русского народа, сопрягаемым с обозначенной нами спецификой духовного стиха, Н. О. Лосский называет религиозность [Лосский, 1991, с. 240]. Явственно проступает эта черта духовного стиха в рассказе «Тревога» В. А. Никифорова-Волгина, где цитируется 12 строк из «Плача».

Неслучайно обращается к названному жанру В. А. Никифоров-Волгин (1901–1941) – русский писатель с православным мировоззрением, после 1917 г. ставший эмигрантом, так как Нарва, где он тогда жил, отошла к Эстонии. После установления там советской власти писатель был расстрелян за то, что в его книгах увидели «антисоветское содержание». Его произведения говорят о ценностях ушедшей России и о бедах, постигших страну в след за случившейся революцией. Как отмечает А. Л. Топорков, именно «для писателей-эмигрантов духовные стихи приобрели особую привлекательность как органическая часть той православной жизни, среди которой прошло их детство и которая последовательно уничтожалась новыми властями» [Топорков, 2015, с. 25].

В чеховском же рассказе первая строка из «Плача Иосифа Прекрасного» вынесена в эпиграф¹, а в основном тексте фрагменты «Плача» отсутствуют. Сюжетно здесь наиболее значимой оказывается коммуникативная проблема, сопряженная как с отсутствием адресата, которому оставшийся без сына Иона мог бы излить свое горе, так и с «беспомощностью человека в выражении своих чувств» [Степанов, 2005, с. 191]. В то же время единственная строка эпиграфа в свернутом виде содержит фабулу рассказа.

Библейский контекст в рассказе тоже есть. Он проявляется прежде всего в эпиграфе и в имени главного героя – Ионы. Трехдневное нахождение в чреве кита – во тьме – древнего пророка проецируется благодаря имени персонажа на переживания русского извозчика XIX в., пребывающего в иной тьме – печали по умершему сыну: «Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но, тем не менее, ее не видно. Она сумела поместиться в такую ничтожную скорлупу, что ее не увидишь днем с огнем...» [Чехов, 1976, с. 329]. Как пророк Иона был скрыт в чреве кита, так тоска извозчика спрятана в нем, но рвется наружу². При этом если библейский Иона сам находился в морской глубине, чеховский персонаж парадоксальным образом вмещает море (на водную стихию в приведенной цитате указывают слова «вылейся», «залила») тоски, способное заполнить весь мир, в себя.

Кроме того, эпиграф задает смысловую тональность восприятия текста, создает ощутимую параллель между эмоциональным состоянием Иосифа и Ионы³ (отметим также звуковое соответствие начальных звуков этих имен, фонетическое сходство между ними). Вместе с тем в эпиграфе звучит голос Иосифа из духовного стиха, который произносит жалобу от имени сына. Таким образом возникает смысловая «переключка» между эпиграфом – словом сына – и основным текстом,

¹ В двенадцатитомном собрании сочинений А. П. Чехова есть неточность в примечании к рассказу «Тоска»: в качестве источника эпиграфа там указываются «слова из Псалтири» [Чехов, 1985, с. 80], а не «Плач Иосифа Прекрасного».

² Примечательно, что проблема невысказанного слова есть и в библейской книге пророка Ионы, которая «отличается по жанру от других пророческих книг Ветхого Завета» [Православная энциклопедия, 2010, с. 378], содержащих «прежде всего слова самих пророков. Повествование в этих книгах может либо отсутствовать, либо быть фоном для пророчеств. <...> Книга пророка Ионы – это в первую очередь повествование, где Иона произносит ряд небольших реплик, а также псалом...» [Там же]. Таким образом, немногословность чеховского Ионы напоминает речевую неактивность одноименного библейского персонажа.

³ Фольклорный жанр плача претворяется в рассказе в «интереснейшее литературное явление “слезного анекдота” – по аналогии со “слезной комедией” XVIII в.» [Тюпа, 1989, с. 14].

где, несмотря на все трудности, слово отца все-таки произносится. В ответ на плач раздается ответное рыдание. Диалог – вербальный и невербальный – между сыном и отцом оказывается совершившимся, пусть и на метафорическом уровне. Ответ на реплику уже умершего сына в контексте рассказа – отсылка к христианской картине мира, в которой личность бессмертна⁴, а значит, тоска по ушедшему может быть преодолена. Недаром для христиан пребывание Ионы во чреве кита стало прообразом трехдневного погребения и воскресения Иисуса Христа⁵. Итак, эпитафия, несмотря на драматичную окрашенность, имплицитно подразумевает разрешение сложившейся ситуации в положительном ключе (тоска персонажа когда-нибудь уйдет).

Еще одно наблюдение, касающееся рассказа «Тоска». Умерший сын извозчика Кузьма носил отчество Ионыч, как и доктор Старцев из одноименного чеховского рассказа. Помимо того что в прозе Чехова мы видим двух Ионычей, разница – даже исключительно номинативная – между ними очевидна. Кузьма остается для читателя прежде всего сыном главного персонажа (именно слово «сын» определяет его статус в тексте), а Старцев (фамилия, указывающая на принадлежность героя к «отцам», мудрецам, а в контексте христианства – еще и духовным людям, приближившимся по состоянию своей души к Богу) становится Ионычем, т. е. сыном некоего Ионы. Вместо внутренней зрелости – ниспадение в состояние духовно мертвого человека. Для обоих персонажей – Кузьмы и Дмитрия Старцева – есть новозаветный прообраз – это Петр, бывший Симон Ионин (Ин. 21: 15), ставший верховным апостолом, оставивший отца и пошедший за Христом. Но если в судьбе первого из названных чеховских героев еще можно усмотреть смысловые параллели с Петром (Кузьма ведь тоже оставляет своего отца), то во втором случае превращение только в Ионыча, т. е. сына Ионы без приобретения своего имени, как это было с Петром, соотносимо лишь с отказом от апостольства, от высокой миссии, а в конечном счете – от себя самого.

Итак, в рассказах Чехова «Тоска» и Никифорова-Волгина «Тревога» мы выявили семантические параллели: оба текста содержат цитирование «Плача Иосифа Прекрасного», в заглавие каждого из упомянутых здесь рассказов вынесено обозначение психологического состояния субъекта (что является особенностью субъективного повествования Чехова⁶ и тяготением В. А. Никифорова-Волгина к очерковости [Исаков, 1992, с. 337]), близкого по тональности жанру плача. Кроме того, есть совпадение во времени действия: это вечер (у Чехова – зимний, у Никифорова-Волгина – осенний), повторяются ситуация смерти, тема отношений отца и сына, имя сына – Кузьма. Очевидно, автор рассказа «Тоска» ориентировался в какой-то мере на сюжетную ситуацию, темы и образы «Тоски» А. П. Чехова⁷.

⁴ А. Л. Топорков отмечает, что в стихе об Иосифе Прекрасном содержится «тема “самосхоронения”, погребения заживо как залога будущего воскресения и обретения новой личности» [Топорков, 2015, с. 29].

⁵ «Иона оказался единственным из малых пророков, чей образ и события жизни получают в Евангелиях прообразовательное истолкование» [Православная энциклопедия, 2010, с. 384].

⁶ Как замечает, к примеру, С. В. Тихомиров, внешний мир в произведениях А. П. Чехова «почти целиком втянут в сознание героя, пропущен через него» [Тихомиров, 1986, с. 17].

⁷ Не только о хорошем знании произведений А. П. Чехова, но и о том, что В. А. Никифоров-Волгин действительно опирается на художественные особенности изображения действительности своего литературного предшественника, говорит, к примеру, созданная им галерея обывателей в рассказе «Глухое затишье», выведение которой предваряется такой фразой: «...тихая древняя Нарва сохранила облик прежней русской провинции, и по-прежнему витают тени гоголевской и чеховской России» [Никифоров-Волгин, 2013, с. 241].

В отличие от чеховского рассказа, в «Тревоге» стихи из «Плача» цитируются не в эпиграфе, а в основном тексте произведения. Они представлены в качестве «любимой песни покойного Аввакума» [Никифоров-Волгин, 2013, с. 276], старообрядца⁸ (несомненно, здесь имеется смысловая параллель с протопопом Аввакумом), о котором грустит православный священник. Форма архаичного глагола «повем» вводит в текст тему старины⁹, а сам Аввакум назван тут отмершей «ветвью на древе русского благочестия» [Там же]. Покойный прежде «хорошо пел... по-старорусски» [Там же]; «Он видом своим благочестным, поступью и речью тоску будил по ушедшей Русской земле» [Там же]. В числе любимых песен Аввакума был «Плач Иосифа Прекрасного», который в рассказе исполняет уже лишь о. Сергей. Поскольку названная песня поется от первого лица, в тексте возникает целый ряд исполнителей этого произведения: Иосиф, Аввакум, о. Сергей. Ветхозаветное прошлое, русская старина, с которой ассоциируется для о. Сергия Аввакум (представитель традиций ушедшей дореволюционной России), и настоящее послереволюционной России в лице православного священника – вот три эпохи, «высвечивающиеся» через тех, кто соотнесен с «Плачем» в рассказе писателя.

Тревогу в одноименном тексте испытывает о. Сергей, и это его эмоциональное состояние дважды подчеркивается фразой: «А не в последнюю ли годину мы приобщаем мир Кровью Христовой?» [Там же, с. 277–278]. Настоящее оказывается соотнесенным с прошлым, так как стоит на пороге небытия, подобно тому как прошло время Ветхого Завета, как исчезли люди, принадлежащие к тому же типу, что и Аввакум. Апокалиптическая тема звучит в размышлениях священника: «Посмотрю в окно на спящую землю нашу и плачу, что она и деяния рук наших обречены на погибель!.. Все превратится в первозданную тьму, над которой никогда больше не прогремит голос Творца – да будет свет!..» [Там же, с. 277]. Если в «Плаче Иосифа Прекрасного» разлука с родной землей имеет буквальное значение, то в рассказе Никифорова-Волгина она приобретает переносный смысл: прошлое, старая Россия, уходит и «первозданная тьма» грозит поглотить ее. Получается, что сюжет рассказа может быть прочитан как плач сына о матери-России¹⁰, что также соотносимо с причитаниями Иосифа в духовном стихе.

В чеховском рассказе «Плач» – выражение личной скорби отца об ушедшем навсегда из этого мира сыне, а в «Тревоге» Никифорова-Волгина скорбь о потерянной России приобретает размеры вселенской трагедии, чреватой гибелью целого мира. В этом рассказе «Плач», помимо изливания тоски, представляет собой и голос из прошлого, причем оборванный, так как песня остается незавершенной.

Изображаемое в рассказах писателей XIX и XX вв. можно рассматривать в русле причинно-следственных связей: логическим продолжением разобщенности людей, одиночества среди других («Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски...» [Чехов, 1976, с. 329]), равнодушия друг к другу становится разрыв с прошлым, способность на убийство близкого человека, чувство безысходности, ощущение надвигающейся катастрофы. Весь этот комплекс смыслов присутст-

⁸ Именно в старообрядческой среде, «упорно сохраняющей “древнее благочестие”» [Селиванов, 1991, с. 4], складывается довольно обширный комплекс духовных стихов. «Плач Иосифа Прекрасного», впрочем, к ним не относится.

⁹ Некогда «духовные стихи не отделялись собирателями от былин и назывались “старинны”» [Православная энциклопедия, 2007, с. 424].

¹⁰ Неслучайно, видимо, дано разбиение духовного стиха в тексте на две части, вторая из которых начинается именно обращением к матери: «Увиждь, мати Иосифа...» [Никифоров-Волгин, 2013, с. 275]. Адресат плача-причитания здесь акцентирован, а в сюжете связан именно с ушедшей Россией.

вует уже в «Плаче Иосифа Прекрасного», ведь Иосиф был предан родными братьями, которые не пожалели ни его, ни их общего отца Иакова.

Смерть в «Тоске» сына Ионы – нарушение естественного порядка вещей (умер не старый, а молодой). В «Тревоге» же Никифорова-Волгина сын совершает отцеубийство, и тут уже совершено преступление духовно-нравственного закона, разорваны нормальные отношения между разными поколениями.

Но оба обсуждаемые рассказа все же лишены безысходности. Иона сумел выразить свое горе в слове, адресат был им найден, хотя и необычный. В тексте Никифорова-Волгина мотивы тревоги и обреченности все же сменяются мотивом единения рассказчика с о. Сергием, молящимся Богу о милости. Надежду на духовно-нравственное возрождение России внушает в рассказе «Тревога» просьба о благословении, обращенная арестованным Кузькой к священнику. Неслучайно ситуация покинутости, оставленности, заданная в сюжете духовного стиха об Иосифе, преходяща.

Список литературы

Исаков С. Забытый писатель // В. А. Никифоров-Волгин. Дорожный посох. М.: Сов. Россия, 1992. С. 330–339.

Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 368 с.

Мельникова А. К., Скубко. Н. К. Особенности возникновения и бытования жанра духовного стиха // Церковь и искусство: Материалы X Междунар. науч.-образовательных Знаменских чтений. Курск: Изд-во Курск. ун-та, 2014. С. 30–36.

Никифоров-Волгин В. А. Ключи заветные от радости. М.: Даръ, 2013. 432 с.

Православная энциклопедия / Под ред. Патр. Моск. и Всея Руси Алексия II. Т. 16: Дор – Евангелическая церковь союза. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2007. 752 с.; Т. 25: Иоанна деяния – Иосиф. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2010. 752 с.

Селиванов Ф. М. Народно-христианская поэзия // Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. 336 с.

Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

Стихи духовные / Сост. Ф. М. Селиванов. М.: Сов. Россия, 1991. 336 с.

Столярова Э. Н. Духовные стихи – поэтическое отражение народной веры // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 8. С. 138–145.

Тихомиров С. В. Природа в сознании героев А. П. Чехова // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1986. № 4–6. С. 17–22.

Топорков А. Л. Духовные стихи в русской литературе первой трети XIX века // Русская литература. 2015. № 1. С. 5–29.

Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высш. шк., 1989. 135 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 4.

Чехов А. П. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Правда, 1985. Т. 4.

E. L. Suzryukova

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary, Ob, Russian Federation, npds@yandex.ru

“Lamentation of Joseph” in the plot and the semantic structure of short stories “The Grief” by Anton Chekhov and “The Anxiety” by Vassily Nikiforov-Volgin

The paper studies the influence of “The Lamentation of Joseph”, the folklore poem of an ecclesiastic genre, on the plot and the semantics of short stories “The Grief” by Anton Chekhov and

“The Anxiety” by Vassily Nikiforov-Volgin. In Chekhov’s short story, the first line of the Lamentation is cited in the epigraph, thus setting the emotional tonality and the overall theme of the story. Also, this line reveals several biblical images and motifs: Joseph and Jonah, father and son. In response to the lamentation of Joseph-the-son, the main poem presents the answer to it and the wailing of Jonah-the-father. This dialogue, verbal and nonverbal, between the son and the father turns out to be real, albeit at a metaphorical level. In the short story by Nikiforov-Volgin, the poems from “The Lamentation of Joseph (Yosef)” are presented as a favorite song of Avvakum, an Old Believer killed by his son. Father Sergiy, an Orthodox priest, remembers the diseased and recites pieces from the ecclesiastic poem. Also, the paper reveals the semantic parallels between the stories of the two authors. “The Grief” shows the personal fathers sorrow for his son while “The Anxiety” presents the mourning over lost Russia as an immense tragedy that can destroy the whole world.

The short stories of the 19–20th centuries can be regarded within the framework of cause-and-effect links: breaking with the past, the ability to kill a loved one, the hopelessness and the premonition of a catastrophe to come are the logical result of spiritual segregation, loneliness among others and indifference to others.

Keywords: “Lamentation of Joseph”, A. Chekhov, V. Nikiforov-Volgin, biblical images, ecclesiastic poem.

DOI 10.17223/18137083/67/6

References

- Chekhov A. P. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* [Complete works: in 30 vols. Writings: in 18 vols]. Moscow, Nauka, 1976, vol. 4.
- Chekhov A. P. *Sobraniye sochineniy: V 12 t.* [Collected works: in 12 vols]. Moscow, Pravda, 1985, vol. 4.
- Isakov S. Zabytyy pisatel’ [The forgotten writer]. In: V. A. Nikiforov-Volgin. *Dorozhnyy posokh* [Walking staff]. Moscow, Sov. Rossiya, 1992, pp. 330–339.
- Losskiy N. O. *Usloviya absolyutnogo dobra* [The conditions of the absolute good]. Moscow, Politizdat, 1991, 368 p.
- Mel’nikova A. K., Skubko. N. K. Osobennosti vozniknoveniya i bytovaniya zhanra dukhovnogo stikha [Features of the origin and existence of the genre of spiritual verse]. In: *Tserkov’ i iskusstvo: Materialy X Mezhdunar. nauch.-obrazovatel’nykh Znamenskikh chteniy* [Church and Art: Materials of the 10th Intern. sci. educational Znamensky readings]. Kursk, KSU Publ., 2014, pp. 30–36.
- Nikiforov-Volgin V. A. *Klyuchi zavetnyye ot radosti* [Cherished keys to gladness]. Moscow, Dar”, 2013, 432 p.
- Pravoslavnaya entsiklopediya. Pod red. Patr. Mosk. i Vseya Rusi Aleksiya II* [Orthodox Encyclopedia. Ed. by Patriarch of Moscow and all Rus’ Alexy II]. T. 16: *Dor – Evangelicheskaya tserkov’ soyuza* [Vol. 16: Dor – Evangelical Church of the Union]. Moscow, Tserk.-nauch. tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya”, 2007, 752 p.; T. 25: *Ioanna deyaniya – Iosif* [Vol. 25: John’s acts – Joseph]. Moscow, Tserk.-nauchn. tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya”, 2010, 752 p.
- Selivanov F. M. Narodno-khristianskaya poeziya [Folk-Christian poetry]. In: *Stikhi dukhovnyye* [Ecclesiastic poems]. Moscow, Sov. Rossiya, 1991, 336 p.
- Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [The problems of communication in Chekhov]. Moscow, LRC Publ. House, 2005, 400 p.
- Stikhi dukhovnyye* [Ecclesiastic poem]. F. M. Selivanov (Comp.). Moscow, Sov. Rossiya, 1991, 336 p.
- Stolyarova E. N. Dukhovnyye stikhi – poeticheskoye otrazheniye narodnoy very [Ecclesiastic poems – poetic reflection of people’s faith]. In: *Novaya nauka: Teoreticheskiy i prakticheskiy vzglyad* [New science: Theoretical and practical view]. Ufa, 2016, no. 8, pp. 138–145.
- Tikhomirov S. V. Priroda v soznanii geroyev A. P. Chekhova [Nature in the Consciousness of the Heroes of A. P. Chekhov]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology.* 1986, no. 4–6, pp. 17–22.
- Toporkov A. L. Dukhovnyye stikhi v russkoy literature pervoy treti XIX veka [Ecclesiastic poem in Russian literature of first third of 20th century]. *Russkaya literatura.* 2015, no. 1, pp. 5–29.
- Tyupa V. I. *Khudozhestvennost’ chekhovskogo rasskaza* [Artistry of Chekhov’s short story]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, 135 p.